
НОВОГОДНИЕ
И РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
РАССКАЗЫ
ДЛЯ ТЕХ, КТО ВЫРОС
ЕЛИЗАВЕТА ФРОЛОВА

Елизавета Фролова

Новогодние и рождественские рассказы для тех, кто вырос

https://litres.ru/74940087
SelfPub; 2026

Аннотация

Помните то самое ощущение из детства, когда до Нового года оставалось несколько дней и казалось, что впереди обязательно ждёт что-то прекрасное? А что, если его можно вернуть?

В этом сборнике вас ждут 15 новогодних и рождественских историй, которые подарят праздничное настроение, заставят улыбнуться, растрогают до слёз и помогут ненадолго забыть о повседневных заботах.

Перепутанные бронирования, загадочные письма, неожиданные знакомства, семейные встречи и удивительные происшествия — у каждого героя своя история, но всех их объединяет одно: чудеса случаются даже тогда, когда их совсем не ждёшь.

Эта книга — маленький праздник, который можно подарить себе и близким. Идеальное чтение для уютных зимних вечеров под мерцание гирлянд, с чашкой ароматного чая и любимым пледом.

Позвольте себе отвлечься от суеты, почувствовать атмосферу праздника и снова поверить в хорошее.

Ведь взрослым чудеса нужны ничуть не меньше, чем детям.

Елизавета Фролова
Новогодние и рождественские рассказы для тех, кто вырос

РОЖДЕСТВО ПО ОШИБКЕ

Вера Николаевна не любила сюрпризов. Особенно тех, которые звонили в дверь.

В её квартире на Васильевском острове всё имело своё место: ключи лежали в керамической миске у зеркала, запасные лампочки — в коробке из-под обуви, а рождественские украшения уже третий год не покидали антресолей. На календаре было шестое января. За окном мелкий снег перемешивался с дождём и оседал на карнизах серой кашей. Петербург готовился к Рождеству без показной торжественности: в окнах напротив уже горели гирлянды, а ветер с Невы заставлял прохожих крепче запахивать воротники.

Вера вернулась из бухгалтерии в половине седьмого, сняла сапоги и поставила чайник. Впереди у неё был вечер, который она предусмотрительно освободила от людей. На столе ждали мандарины, сыр и новая книга. В холодильнике — маленький пирог с капустой. Никакой готовки на двадцать человек, никаких расспросов о личной жизни и обязатель-

ных тостов за счастье в новом году.

Когда раздался звонок, она решила, что ошиблись этажом.

На пороге стоял курьер с тремя огромными пакетами и выражением лица человека, который уже полчаса носит чужой праздник по лестнице.

— Вера Николаевна? Доставка. Распишитесь.

— Я ничего не заказывала.

— Адрес ваш, фамилия ваша. Оплачено.

Он протянул телефон. На экране действительно значилось: «Вера Н., шестая линия, дом семнадцать, квартира сорок два». Вера проверила цифры дважды. Курьер, не дожидаясь её решения, осторожно поставил пакеты на коврик.

— Там холодное, — сказал он. — И горячее. С праздником.

Пока Вера подбирала возражение, лифт за его спиной захлопнулся.

В пакетах обнаружились две коробки с пирогами, салаты, запечённая утка, бутылки морса, хлеб, лимоны и внушительный торт с белыми сахарными звёздами. На крышке торта кремом было выведено: «Наконец-то вместе!»

Вера перечитала надпись. Она собиралась провести вечер в одиночестве, а кто-то, судя по торту, уже успел объявить его многолюдным.

Она позвонила в службу доставки. Автоматический голос предложил оценить качество обслуживания. Затем музыка продержала её на линии восемь минут, после чего оператор

сообщил, что заказ оформлен с другого номера, а контакт заказчика он разглашать не вправе.

— Но еда чужая.

— Вы можете оставить обращение.

— А утку куда мне девать?

Оператор вежливо попросил не повышать голос.

Вера отключилась и раскрыла книгу. Не прочитала ни строчки. Утка занимала почти всю кухонную столешницу и пахла розмарином так настойчиво, словно требовала внимания. Вера убрала её в холодильник, где пришлось потеснить свой скромный пирог.

Через двадцать минут снова позвонили.

На пороге стоял высокий мужчина в мокром пальто. Он держал бумажный пакет с виноградом и смотрел на номер квартиры так, будто проверял адрес перед важным экзаменом.

— Добрый вечер. Я к Вере Николаевне. Это здесь встреча выпускников?

— Нет.

— Странно. Мне написали: шестая линия, семнадцать, сорок два. В семь часов.

Он показал сообщение. Вера увидела тот же адрес, а ниже приписку: «Приходите, даже если давно не виделись. Будет место каждому».

— У меня здесь никого не ждут, — сказала она.

Мужчина смутился и отступил к лестнице.

— Простите. Я, наверное, что-то перепутал. Меня Павел зовут.

— Вера. Хотя вы уже знаете.

Он улыбнулся, но не ушёл сразу. На лестничной площадке блестели недавно выкрашенные перила. Из приоткрытой двери доносился запах розмарина, и Павел невольно посмотрел в сторону кухни.

— Если вдруг выяснится, где собираются, — попросил Павел, — скажите? Я ехал из Пушкина.

Вера взяла его номер. Она и сама не поняла зачем. Обычно чужие телефоны в её записной книжке не задерживались.

Павел ушёл. Через пять минут пришла женщина в красной шапке с коробкой печенья. За ней — пожилой мужчина с тростью и свёрнутой в трубку фотографией. Оба уверяли, что приглашены к Вере Николаевне. Женщина оказалась Ириной, мужчина — Борисом Аркадьевичем. Они не были знакомы друг с другом, но оба учились в одном институте в восьмидесятые годы.

— Выходит, это встреча курса? — спросила Вера.

— Вроде бы, — ответила Ирина. — Только я никого из тех времён почти не помню. Решила проверить, узнает ли меня кто-нибудь.

Борис Аркадьевич развернул фотографию. На пожелтевшем снимке у фонтана стояли двенадцать молодых людей. У двоих были гитары, у одной девушки — огромный букет астр.

— Мы тогда после экзамена всю ночь по городу ходили, — сказал он. — А теперь даже не знаю, кто из них жив.

Он произнёс это спокойно, без жалобы, и Вере стало неловко от собственной раздражённости.

Вера собиралась попросить гостей подождать, пока выяснит адрес встречи. Но в прихожей едва помещались трое, с трости Бориса Аркадьевича стекала вода, а Ирина уже третий раз поправляла тяжёлую коробку с печеньем. Вера отступила от двери и пригласила их в комнату.

Ирина сняла ботинки, аккуратно поставила их к стене и сообщила, что сорок минут искала парковку, поэтому возвращаться домой без объяснений не намерена. Борис Аркадьевич остановился перед книжным шкафом и спросил, читала ли Вера сборник стихов, стоявший на верхней полке. Она читала. И впервые за вечер ответила не одним словом.

К половине восьмого в квартире было четверо незваных гостей. Последней пришла хрупкая женщина с короткой седой стрижкой и букетом белых хризантем. Её звали Лариса. Она принесла маленькую музыкальную шкатулку, которую, по её словам, собиралась вернуть хозяйке встречи ещё тридцать лет назад.

— Я вас всех обожаю, — сказала Лариса, разглядывая лица, — но почему вы стоите у чужой женщины в прихожей?

— Вот и я хотела бы знать, — ответила Вера.

Вопрос неожиданно всех рассмешил.

Ирина предложила звонить организатору. Выяснилось,

что номер отправителя приглашений у каждого сохранён поразному: «Вера курс», «Верочка общага», «Вера институт». У Бориса Аркадьевича телефона вообще не было: приглашение ему передали через племянницу. Ирина набрала номер. Никто не ответил.

Тогда Вера наконец догадалась подняться на этаж выше. В сорок третьей квартире жила Вера Михайловна, энергичная пенсионерка, которая весной просила помочь разобраться с квитанциями. Их путали даже почтальоны.

На площадке сверху дверь была приоткрыта. Внутри горел свет, звучало радио, а из кухни доносился отчаянный звон посуды.

— Вера Михайловна? — позвала она.

Соседка выскочила в коридор в нарядной синей блузке и с кухонным полотенцем через плечо.

— Верочка! Как хорошо, что ты пришла! У меня катастрофа. Все опаздывают, телефон где-то потерялся, а утку не привезли!

Вера прислонилась к косяку.

— Утка у меня.

— Что?

— И гости тоже. Почти все.

Вера Михайловна замерла. Потом схватилась за очки, висевшие на цепочке, и достала из кармана бумажку с адресом, который диктовала племяннице для рассылки.

— Сорок два, — прочитала она. — Господи. Это же твоя

квартира. Я двадцать лет жила в сорок второй, до обмена! Пальцы сами написали.

Снизу донёсся чей-то смех. Вера Михайловна закрыла лицо полотенцем, а потом засмеялась тоже — сначала тихо, потом так заразительно, что Вера не удержалась.

— Ну что, — сказала соседка, вытирая глаза, — пойду забирать собственную старость.

Спускались они вдвоём. По дороге Вера Михайловна рассказала, что задумала встречу ещё осенью. После похорон подруги она перебирала фотографии и обнаружила, как много людей из её молодости постепенно превратились в имена на открытках. Она обзвонила тех, кого смогла найти, и пригласила на Рождество.

— Хотелось хоть раз посидеть, пока ещё есть с кем, — объяснила она. — А то всё откладываем: весной увидимся, летом увидимся.

На последнем пролёте Вера замедлила шаг.

Она вспомнила, что сама уже дважды откладывала встречу с подругой, которая переехала в Купчино. Не из-за ссоры — просто путь казался длинным, а вечера короткими. Вспомнила отцовскую двоюродную сестру, которая звонила ей каждое Рождество, пока Вера однажды не сказала, что очень занята. После этого звонки прекратились.

Пока Вера разговаривала с соседкой, внизу гости успели найти общие воспоминания. Борис Аркадьевич нашёл на фотографии Павла, которого все помнили по прозвищу Про-

фессор, хотя тот учился хуже остальных. Ирина обнаружила, что Лариса когда-то одолжила ей платье на выпускной, а вернуть его так и не удалось. Обе смеялись над тем, что теперь оно не налезло бы ни на одну.

— Павел где? — спросила Вера Михайловна.

— Уехал. Я ему сейчас напишу, — сказала Вера.

Она отправила сообщение: «Адрес правильный, квартира — сорок три. Возвращайтесь, если ещё не передумали». Ответ пришёл почти сразу: «Я в булочной за углом. Думал, хоть пирожок куплю за труды. Иду».

Перенос праздника занял двадцать минут. Мужчины отнесли блюда наверх, женщины — тарелки и цветы. Лариса настояла, чтобы торт несли строго горизонтально. Вера осталась внизу, собирая с пола бумажные салфетки и проверяя, не забыли ли чего.

Квартира снова стала тихой. На кухне ещё чувствовался розмарин, а в прихожей на зеркале остался отпечаток чьей-то ладони: гости успели обжиться здесь всего за час. На подоконнике лежала одинокая хризантема: у букета сломался стебель, и Лариса оставила цветок в стакане.

Вера поставила чайник, достала свою книгу и села за стол.

Сверху послышался гул голосов. Кто-то передвинул стул, кто-то громко воскликнул: «Не может быть!» Потом зазвучала музыка — старая песня, которую Вера знала по радио из детства.

Она посмотрела на пирог с капустой. Он был размером с

небольшую тарелку. На одного — в самый раз.

Вера успела прочитать полстраницы, когда телефон завибрировал. Писала Вера Михайловна: «Ты у нас ключевой человек вечера. Поднимайся. Утка без тебя не считается».

Вера улыбнулась, но не встала. Она любила свой дом за возможность закрыть дверь. Ей нравилось самой решать, сколько людей будет рядом и сколько тишины останется после них. От одной ошибочной доставки эти привычки не исчезали.

И всё же она вспомнила Бориса Аркадьевича с фотографией в руках. Вспомнила, как Павел стоял на лестнице, не желая навязываться, хотя проехал через половину города. И то, с какой радостью соседка произнесла: «Все опаздывают», — словно уверенность в том, что кто-то обязательно придёт, уже была подарком.

Вера закрыла книгу, завернула свой пирог в чистое полотенце и поднялась наверх.

Дверь открылась прежде, чем она успела позвонить. Павел стоял на пороге с бумажным пакетом.

— Я купил пирожки, — сказал он. — А потом выяснилось, что здесь целая утка.

— У меня тоже пирог. С капустой.

— Тогда вы явно нужнее меня.

За его спиной в гостиной спорили о том, в каком году сдавали сопромат. Борис Аркадьевич размахивал ложкой, Ирина утверждала, что экзаменатор носил усы, а Лариса требова-

ла показать фотографию. Вера Михайловна увидела соседку и подняла руки, будто приветствовала почётного гостя.

— Вот она! Наш спаситель праздника!

— Я всего лишь приняла чужую утку, — возразила Вера.

— Иногда и этого достаточно, — сказал Павел, забирая у неё пирог.

Вера села на свободный стул у окна. За окном на карнизе постепенно собирался снег. Вера заметила это лишь тогда, когда отодвинула занавеску, чтобы освободить место для ещё одной тарелки. Кто-то подвинул ей тарелку, кто-то налил морса, и разговор продолжился без торжественной паузы, как будто её ждали с самого начала.

Позднее, уже за полночь, Вера вернулась к себе. В прихожей всё стояло на местах, кроме керамической миски для ключей: туда кто-то по ошибке положил серебристую ёлочную игрушку. Маленький стеклянный домик с золотой крышей.

Она подержала его на ладони, пытаясь вспомнить, кому он принадлежит. Потом оставила на полке у зеркала — до утра.

На следующий день Вера позвонила подруге в Купчино. Та ответила после третьего гудка и сразу спросила, всё ли в порядке.

— В порядке, — сказала Вера. — Я тут подумала: может, увидимся на неделе?

— А что случилось?

Вера посмотрела на стеклянный домик, который поймал бледный январский свет.

— Утку перепутали, — сказала она.

Подруга помолчала.

— Ну, — ответила наконец, — с тобой никогда не соскучишься. Рассказывай.

СТОЛИК У ОКНА

В сочельник Вена жила в своём особенном декабрьском ритме. У киосков с жареными каштанами выстраивались очереди, трамваи звенели на поворотах, а прохожие торопились домой с бумажными пакетами и свёртками. Снег, который с утра обещали все городские прогнозы, появился только к вечеру: сперва несколько нерешительных хлопьев опустились на рельсы, потом белая пелена закрыла дальний конец улицы.

Марта Хофманн стояла за стойкой своей кофейни и пыталась заставить гирлянду мигать не так нервно. Одна лампочка погасла ещё в понедельник, другая вспыхивала с опозданием, и вся конструкция напоминала человека, который старается поддержать беседу, не зная языка.

— Оставь её, — сказала Инге, снимая фартук. — В прошлом году ты провозилась с ней до полуночи, а она всё равно мигала как хотела.

— В прошлом году я хотя бы победила левый угол.

— В прошлом году ты победила здравый смысл.

Инге работала здесь по вечерам уже шесть лет и позволяла себе такие замечания с той уверенностью, которую дают шесть лет совместной борьбы с кофемашиной. Она забрала с подоконника перчатки, поцеловала Марту в щёку и отправилась домой к мужу, двум взрослым сыновьям и бесконечному количеству картофельного салата.

Кофейня «У окна» занимала первый этаж старого дома на тихой улице неподалёку от центра. Здесь было всего семь столиков, витрина с пирогами и узкий коридор к кухне, в котором двоим взрослым людям разойтись удавалось только после коротких переговоров. Марта открыла её одиннадцать лет назад, когда решила, что сорокаоднолетней женщине уже поздно ждать идеального момента для собственной жизни.

Идеальный момент так и не наступил, зато появились постоянные посетители, две треснувшие чашки, которые она упорно не выбрасывала, и привычка каждый вечер пересчитывать выручку под негромкие новости по радио.

В сочельник кофейня закрывалась в семь. В шесть сорок оставались только двое студентов у двери, доедавших штрудель, и столик у большого окна — накрытый на двоих, хотя второй стул вряд ли кому-нибудь понадобился бы.

Его заказали ещё в начале декабря. Как и каждый год.

Леон Вайс приходил сюда двадцать четвёртого декабря ровно в шесть. Заказывал чай с лимоном, яблочный штрудель и ещё один чай — без сахара. Второй чай постепенно

остывал, покрываясь тонкой плёнкой, и Марта меняла его через полчаса, хотя никто об этом не просил.

Впервые она заметила странность на третье Рождество. На четвёртое решила, что у Леона умерла жена. На пятое заподозрила, что он ждёт человека, который однажды не пришёл. На шестое перестала искать объяснения: посетитель имел право на свои тайны, даже если каждый год заказывал один и тот же штрудель.

Но в этом году Марта вдруг почувствовала раздражение. Не на Леона — на собственную привычку смотреть на пустой стул и тут же отводить глаза. Ей исполнилось пятьдесят два. За последние месяцы она научилась просить поставщиков не опаздывать, соседей — не оставлять велосипеды у входа, а брата — перестать спрашивать, когда она наконец продаст кофейню. Может быть, пришло время задать и один неудобный вопрос.

В шесть без двух дверь звякнула колокольчиком.

Леон вошёл, стряхивая снег с тёмной шапки. На нём было старое серое пальто, которое Марта помнила ещё по первому году их знакомства, и шарф цвета крепкого кофе. Он двигался осторожно, словно боялся нарушить порядок вещей.

— Добрый вечер, фрау Хофманн.

— Добрый вечер, герр Вайс. Ваш столик ждёт.

— Как всегда, вы меня спасаете.

Он сказал это с привычной вежливой улыбкой. Марта принесла чай, положила на блюдце два ломтика лимона и,

прежде чем успела передумать, спросила:

— Вы сегодня кого-нибудь ждёте?

Леон посмотрел на второй прибор. Не удивился и не обиделся — только провёл пальцем по краю салфетки.

— Да, — ответил он. — Хотя, вероятно, не сегодня.

Марта кивнула так, будто получила исчерпывающий ответ, и вернулась к стойке. Студенты наконец ушли, оживлённо обсуждая билеты на поезд. В кофейне стало тихо. На кухне остывал яблочный пирог; с улицы доносился приглушённый звон трамвая.

Она протёрла кофемашину, проверила сахарницы и обнаружила, что уже второй раз переставляет одну и ту же чашку. Вопрос, который она так долго не решалась задать, теперь требовал продолжения.

В семь минут седьмого Леон подозвал её.

— Простите, вы не могли бы принести немного горячей воды? Чай остыл.

Марта взяла чайник и подошла к столику.

— Я могу заменить чашку.

— Не стоит. Вы и так слишком добры.

Она долила воды. В оконном стекле отражались их лица, праздничные огоньки и пустой стул напротив Леона.

— Я каждый год собираюсь спросить, — произнесла Марта, сама удивившись своей решимости. — И каждый год думаю, что не имею права.

— О чём?

— О том, кого вы ждёте.

Леон долго смотрел на улицу. За окном мальчик в красной шапке пытался поймать снег языком, а мать тянула его за руку к остановке.

— Дочь, — сказал он наконец. — Её зовут Клара.

Марта растерялась. За годы она успела придумать множество объяснений второму прибору, но ни одно не оказалось верным.

— Она живёт далеко?

— В Копенгагене. С мужем и мальчиком, которого я видел только на фотографиях. Ему уже девять.

Леон аккуратно сложил салфетку вчетверо.

— Когда Кларе было восемь, мы пришли сюда с её матерью. Тогда здесь была булочная. За этим окном стоял стол, почти такой же, и Клара сказала, что взрослые всё время куда-то торопятся. Я пообещал: что бы ни случилось, у нас всегда будет место, где мы можем встретиться на Рождество.

Он улыбнулся, но на этот раз улыбка не задержалась.

— Через год мы с её матерью разошлись. Потом переезды, школа, работа. Я был уверен, что звоню достаточно часто. А она, наверное, была уверена в обратном. Мы умеем годами спорить о том, чего никто не произносил вслух.

Марта присела на соседний стул, не снимая фартука. За одиннадцать лет работы она редко позволяла себе разговаривать с посетителями так долго, однако сегодня до закрытия оставалось всего пятнадцать минут, а оставлять Леона

одного с его признанием ей не хотелось.

— И вы приходите сюда каждый год?

— Сначала она приезжала. Два раза. Потом один раз позвонила прямо отсюда, потому что опаздывала. А потом перестала. Я решил, что если когда-нибудь она захочет вернуться, то будет знать, где меня искать.

— Но вы ей говорили, что приходите?

Леон поднял глаза.

— Зачем? Не хотел, чтобы она чувствовала себя обязанной.

Марта сдержала желание стукнуть ладонью по столу. За годы работы она повидала достаточно семейных обид, чтобы распознать эту особенно прочную разновидность: оба человека стараются не мешать друг другу и постепенно превращаются в незнакомцев.

— Герр Вайс, простите меня за прямоту, — сказала она. — Но если бы кто-нибудь каждый год оставлял для меня пустой стул и ни разу об этом не сообщил, я бы сочла его очень странным человеком.

Леон моргнул. Потом рассмеялся — негромко, удивлённо, будто давно не слышал собственного смеха.

— Возможно, вы правы.

— Я часто права. Инге считает это моим главным недостатком.

Марта принесла ему свежий штрудель, хотя он уже съел свой, и поставила перед собой чашку кофе. Кофейня офици-

ально закрылась, но она не спешила переворачивать табличку. За стеклом медленно кружились снежинки, и свет фонарей делал их почти золотыми.

— У вас есть её номер? — спросила Марта.

— Конечно.

— Тогда позвоните.

Леон посмотрел на телефон, лежавший рядом с перчатками.

— Сегодня? В сочельник? У неё наверняка гости.

— Тем более. Будет кому передать трубку, если она решит, что вы опять спрашиваете про погоду.

Он снова улыбнулся, но пальцы к телефону не потянулись.

Марта не стала настаивать. Вместо этого рассказала о своём брате Феликсе, который три года обижался на неё из-за продажи родительского сервиза. Она думала, что он сердится из-за денег; он думал, что она выбросила память об их матери. Лишь прошлой весной выяснилось, что сервиз никто не продавал: Марта отдала его на реставрацию и забыла сообщить. Феликс приехал в тот же день, чтобы собственноручно проверить каждую чашку.

— И что теперь? — спросил Леон.

— Теперь он звонит мне каждое воскресенье. Иногда исключительно для того, чтобы спросить, цел ли чайник.

Они оба засмеялись. Потом помолчали. Тишина уже не была неловкой: кофемашина остывала, на подоконнике едва слышно постукивала незакреплённая гирлянда, где-то на-

верху скрипнула половица.

Леон взял телефон, открыл список контактов и долго смотрел на имя дочери.

— Я не знаю, что сказать.

— Начните с «С Рождеством». Это проверенная фраза. Обычно работает.

Он нажал на вызов.

Один гудок. Второй. Третий. Марта отвернулась к витрине и принялась поправлять ценники, хотя давно знала их расположение наизусть.

На пятом гудке Леон выпрямился.

— Клара? Это папа. Да, всё хорошо. Нет, ничего не случилось.

Марта слышала только его голос. По тому, как он сжал телефон, она поняла: разговор может оборваться в любую секунду.

— Я хотел поздравить тебя. И сказать... — Он запнулся, посмотрел на пустой стул и вдруг заговорил проще: — Я сейчас в той самой булочной. Помнишь, где мы ели булочки с маком? Теперь здесь кофейня. Я каждый год прихожу сюда на Рождество. Глупо, наверное, что раньше не говорил.

Клара отвечала долго. Марта не разбирала слов, но видела, как Леон всё крепче прижимает телефон к уху. Когда он наконец заговорил, голос его прозвучал увереннее.

— Да, каждый год, — повторил Леон. — Нет, не потому, что ты обещала. Потому что я обещал.

Его лицо изменилось. Не просветлело, как в кино, и не стало вдруг молодым. Просто ушло напряжение, которое Марта привыкла принимать за выражение его лица.

— Я тоже скучал, — сказал он.

Потом телефон завибрировал в его руке: Клара переключила звонок на видео. На экране появилось лицо женщины с короткими тёмными волосами. За её плечом мелькнул мальчик в бумажной короне, а из глубины комнаты кто-то громко спрашивал, куда делась миска с соусом.

— Папа, — сказала Клара так отчётливо, что Марта услышала её даже со своего места, — ты мог просто сказать, что ждёшь меня.

— Я боялся мешать.

— Ты мешаешь, когда звонишь в шесть утра и спрашиваешь, сколько у нас градусов. А сейчас ты не мешаешь.

Леон рассмеялся. Мальчик потребовал показать дедушку, и экран на мгновение заполнился одним глазом, носом и красной короной.

Марта осторожно отошла к стойке. Это уже был разговор, которому не требовались свидетели. Она сняла с кофемашины чашки, выключила подсветку витрины, собрала со столов салфетки. Через несколько минут Леон помахал ей рукой и показал на свободный стул. На экране Клара тоже махала, словно они были знакомы.

— Она спрашивает, можно ли заказать у вас столик на троих на следующую неделю, — сказал Леон. — Они соби-

раются приехать после праздников.

— На четверых, — поправила Марта. — Если мальчик не собирается стоять.

— На четверых, — повторил он с такой серьёзностью, будто заключал важный международный договор.

Клара что-то сказала, и Леон вновь рассмеялся. Марта достала книгу бронирований. На следующую неделю там оставалось достаточно свободных мест, но она всё равно тщательно вывела фамилию Вайс и цифру четыре.

Когда звонок закончился, Леон сидел неподвижно, глядя на потемневший экран. Вторая чашка чая так и осталась нетронутой.

— Знаете, — сказал он, — я почему-то думал, что если однажды она придёт, то будет маленькой. В красных варежках. С косичками. А она теперь сама выбирает, когда и куда ехать.

— И, судя по всему, воспитывает очень громкого сына.

— Да. Это семейное.

Марта принесла счёт. Леон расплатился и задержался у двери, поправляя шарф. Улица почти опустела; в свете фонаря были видны свежие следы на тротуаре.

— Вы сегодня идёте к семье? — спросил он.

— К брату. Если успею на трамвай, ещё застану его знаменитый пересоленный суп.

— Тогда не задерживайтесь из-за меня.

— Поздно. Я уже задержалась. Придётся теперь обвинить

вас в том, что суп остынет.

Он надел шапку, но не ушёл.

— Фрау Хофманн, можно задать вам вопрос?

— Разумеется.

— Почему вы сегодня всё-таки спросили?

Марта посмотрела на столик у окна. На белой скатерти остались два круглых следа от чашек, один чуть темнее другого.

— Потому что одиннадцать лет я думала, будто вежливость — это никогда не вмешиваться. А сегодня мне показалось, что иногда это просто удобный способ ничего не делать.

Леон кивнул. Он не стал благодарить её в третий раз, и Марта была ему за это признательна.

После его ухода Марта убрала со столика приборы. Вторую чашку она вылила последней, заметив, как чай потемнел от долгого ожидания. В доме напротив кто-то расправлял на столе красную скатерть. Марта выключила гирлянду, и та наконец перестала мигать.

Выйдя из кофейни, она подняла воротник пальто. У киоска за углом торговец уже опускал металлическую штору, но ещё успел продать последние каштаны запоздалому покупателю. Трамвай стоял на остановке. Марта побежала, размахивая сумкой, и успела в последнюю секунду.

Феликс ответил на её сообщение почти сразу: «Суп готов. Не придирайся. И захвати хлеб».

Марта улыбнулась и напечатала: «Буду через двадцать минут. И позвони мне завтра сам, не жди воскресенья».

На следующей неделе она поставила у окна четыре чашки. За столом сидели Леон, Клара, её муж и мальчик, который оказался настолько разговорчивым, что успел расспросить Марту о рецепте штруделя, устройстве кофемашины и причине, по которой в Вене так много трамваев.

Леон слушал внука, иногда поглядывая на дочь. Клара, заметив его взгляд, накрыла ладонью его руку и продолжила рассказывать о своей работе. Ничего торжественного не произошло. Они не наверстали за один вечер пропущенные годы, не произнесли длинных речей и даже несколько раз неловко замолчали. Но каждый раз находили, о чём заговорить снова.

Когда они ушли, Марта заметила на столе бумажную корону, забытую мальчиком. Она собиралась догнать их, но остановилась у двери: вся семья стояла под фонарём, споря, в какую сторону идти. Клара смеялась, Леон что-то объяснял, а мальчик упрямо показывал в противоположную сторону.

Марта положила корону за стойку. В следующий раз вернёт.

В книге бронирований рядом с фамилией Вайс она карандашом приписала: «Четверо. Возможно, ещё придут».

И впервые за много лет, закрывая кофейню после Рождества, не стала заранее накрывать столик у окна на двоих.

ПИСЬМО С ПРОШЛОЙ ЗИМЫ

В Костроме январский снег быстро скрывал под собой неровности мостовой, но ступени почтового отделения оставлял на совести прохожих. Утром шестого января Нина Павловна поскользнулась на крыльце, успела ухватиться за перила и выругалась словом, которое за сорок лет преподавания русского языка ни разу не позволила себе произнести при учениках.

— С наступающим, Нина Павловна! — радостно сказал почтальон Миша, делая вид, что ничего не слышал.

— Взаимно. И песок на ступени попроси насыпать. У вас тут не почта, а испытание характера.

Миша кивнул с той почтительностью, с какой молодые люди выслушивают замечания бывших учителей, даже если никогда у них не учились.

Она зашла на почту за бандеролью: племянница прислала из Ярославля календарь с видами Италии. Нина Павловна не знала, зачем ей итальянские виды, когда из собственного окна прекрасно видна колокольня, но племянница считала, что пожилому человеку необходимы красивые картинки и витамины. Витамины она тоже присылала.

Вернувшись домой, Нина Павловна поставила на тумбочку бандероль и только тогда заметила белый конверт на коврике у двери. Обычно письма лежали в почтовом ящике вни-

зу, а этот кто-то просунул под дверь.

Конверт был без марки и адреса. Только две буквы, написанные синими чернилами: «Н. П.».

У сестры Лиды была особенная буква «П»: верхняя перекладина уходила вправо и чуть загибалась вниз, словно козырёк над окном. Нина Павловна узнала её прежде, чем успела подумать, что это невозможно.

Лида умерла четыре года назад, в конце февраля. Тогда снег уже почернел у дорог, а в палате было слишком жарко. Сестра, которая всю жизнь терпеть не могла духоту, жаловалась на больничное одеяло и просила открыть форточку. Нина Павловна не открыла: боялась, что Лида простудится. Иногда память бывает беспощадна в своей нелепости.

Она долго стояла в прихожей, держа конверт двумя пальцами. Потом сняла пальто, аккуратно повесила шарф, поставила чайник. Только когда чайник зашумел, решилась разорвать край.

«Нинка, не сердись заранее. Посмотри на верхней полке большого шкафа, за коробкой с ёлочными игрушками. Там кое-что для тебя. И не вздумай опять провести Рождество с телевизором. Л.»

Нина Павловна прочитала записку трижды. Слово «Нинка» было подчёркнуто. Лида всегда так делала, когда хотела рассмешить сестру или вывести её из себя. Обычно получалось и то и другое.

Она поднесла конверт к свету. Обычная бумага, синие

чернила, ни марки, ни даты. Ничего, что объясняло бы, как записка умершей сестры оказалась у её двери.

«Кто-то из родственников нашёл старую записку», — сказала она вслух. Голос прозвучал слишком громко. Она положила письмо рядом с чашкой и позвонила племяннице.

— Катя, ты ничего мне не отправляла, кроме календаря?

— Ещё носки. Но они должны прийти позже. А что?

— Ничего. Просто спрашиваю.

— Тётя Нина, ты опять не собираешься никуда на Рождество? Мама зовёт к нам.

— Я не люблю ездить зимой.

— Ты и летом не любишь.

— Летом жарко.

Катя рассмеялась, но Нина Павловна почувствовала в этом смехе беспокойство. Они попрощались, и она осталась одна с письмом, которому неоткуда было взяться.

Большой шкаф стоял в дальней комнате. Лида называла его «наш семейный архив», хотя внутри хранились в основном полотенца, старые скатерти и вещи, которые жалко выбросить, но невозможно надеть. На верхнюю полку Нина Павловна не заглядывала с прошлой зимы. Она принесла устойчивую табуретку, проверила её ножки и, прежде чем встать, вспомнила, как Лида однажды сказала: «Ты даже падать будешь по инструкции».

Коробка с игрушками оказалась там, где и положено. За ней лежал плоский жестяной чемоданчик, обтянутый вы-

цветшей клетчатой тканью. Нина Павловна не помнила, чтобы когда-нибудь его видела.

На крышке было приклеено пожелтевшее бумажное сердечко, вырезанное детскими ножницами. Внутри лежали фотографии, открытки, два билета в кино, засушенная веточка рябины и маленькая тетрадь в зелёной обложке. Самой первой оказалась фотография двух девочек у ёлки. Старшая, Нина, стояла с таким серьёзным лицом, будто отвечала за безопасность всего праздника. Младшая, Лида, держала в руках стеклянного зайца и явно собиралась его уронить.

Нина Павловна села прямо на пол. На фотографии за девочками виднелась старая этажерка, давно исчезнувшая из квартиры. У ёлки стоял таз с водой: отец боялся пожара и всегда перестраховывался. Откуда-то из памяти всплыл его голос: «Сначала гирлянду проверим, потом включать будем».

Она открыла зелёную тетрадь. На первой странице Лидиным почерком было написано: «Что Нинка должна узнать, когда перестанет делать вид, что ей ничего не нужно».

— Ах ты нахалка, — прошептала Нина Павловна.

В тетради не было страшных признаний. Лида записывала мелочи, которые не хотела забывать: как Нина в двенадцать лет продала свою любимую книжку, чтобы купить младшей сестре коньки; как в голодные студенческие годы делила с ней последние пельмени, уверяя, что уже поела; как однажды, поссорившись, всё равно пришла встречать её с ночно-

го поезда. Лида помнила даже то, о чём Нина давно забыла.

Между страницами лежала открытка с нарисованным снегирём. «Ты всегда думала, что сильная — значит одна. Но ты ведь просто привыкла быть старшей», — написала Лида. Дальше шли слова, от которых Нина Павловна отложила открытку и долго смотрела на узор ковра. «Когда меня не станет, не превращай квартиру в музей. Я любила наш дом не за вещи. Я любила, что в нём всегда кто-нибудь смеялся».

Нина Павловна знала, что сестра писала это ещё при жизни. Но почему она спрятала тетрадь? Почему не отдала сразу? Ответ нашёлся внизу последней страницы: «Если вручить ей в руки, скажет, что я драматизирую, и уберёт в ящик. Пусть найдёт сама. Лучше под Рождество».

За окном прошёл трактор, сдвигая снег к обочине. Мальчишки у подъезда спорили, кому тащить санки в горку. Нина Павловна слышала их голоса, но не могла оторваться от тетради: сестра сохранила столько подробностей их общей жизни, что некоторые из них теперь приходилось узнавать заново.

Она перебрала фотографии. На одной Лида сидела на даче в огромной соломенной шляпе, которую купила на рынке за смешные деньги. На другой они обе стояли у Волги, с растрёпанными ветром волосами. Нина Павловна вспомнила, что в тот день они поругались из-за пустяка — Лида опоздала на автобус, — а потом ели мороженое на набережной и смеялись над чужой собакой, которая украла у хозяи-

на варежку.

В тетради обнаружился ещё один конверт. На нём было написано: «Открыть, если решишь всё-таки пригласить гостей». Внутри лежал рецепт пирога с яблоками, корицей и орехами. Лида пекла его каждый январь, но Нина Павловна всегда говорила, что он слишком сладкий. И неизменно брала второй кусок.

Она положила рецепт на стол, включила духовку, затем выключила. На часах было почти четыре. До рождественского вечера оставалось всего несколько часов. Кого она собиралась приглашать? Катя с детьми в Ярославле. Соседка Вера Ивановна уехала к сыну. Подруга Тамара после операции почти не выходила из дома. Да и незачем устраивать праздник ради двух старух, которым давно пора следить за сахаром.

Она снова включила духовку.

К шести вечера кухня была засыпана мукой, яблочной кожурой и ореховой крошкой. Пирог вышел кривоватым, с подгоревшим краем. Нина Павловна срезала тёмную корочку и попробовала кусочек. Он был почти таким же, как у Лиды. Почти — потому что у сестры всегда получалось лучше, а спорить с покойными по вопросам кулинарии бесполезно.

Она позвонила Тамаре.

— Ты одна?

— А с кем мне быть? С министром культуры?

— Я пирог испекла. Могу принести.

— Нинка, ты заболела?

— Если будешь задавать глупые вопросы, съем сама.

Тамара помолчала, потом сказала совсем другим голосом:

— Приходи. Я чай поставлю.

Нина Павловна нашла в шкафу красную скатерть, которой не пользовалась четыре года. Упаковала половину пирога и уже собиралась выйти, когда в дверь позвонили.

На площадке стоял Миша с почты. Он держал шапку в руках и, судя по выражению лица, собирался извиняться.

— Простите, Нина Павловна. Я вам утром забыл сказать. Вчера у нас разбирали старые невручённые отправления. Там конверт был на ваше имя, но без адреса. Я подумал, вдруг кто-то из знакомых оставил. Занёс вечером, под дверь положил — вы не открывали.

Нина Павловна почувствовала, как по спине прошёл холодок.

— Вчера вечером?

— Да. Часов в девять. А сегодня вы уже были на почте, я и забыл.

— А откуда он взялся у вас?

— Не знаю. В ящике с бумагами лежал. Наверное, давно.

Он переминался на пороге, явно рассчитывая, что вопрос закрыт. Нина Павловна поблагодарила его и протянула кусочек пирога в салфетке. Миша удивился, но взял. Потом посмотрел на неё и вдруг сказал:

— Вы сегодня какая-то другая. Весёлая, что ли.

— Это из-за муки, — ответила она. — Весь день с ней воюю.

Когда дверь закрылась, Нина Павловна снова достала письмо. Лида могла написать его при жизни, а конверт — затеряться на почте. Сестра дружила с прежней почтальоншей Валентиной, которая несколько лет назад вышла на пенсию и уехала к дочери. Возможно, они о чём-то договорились, а записка так и осталась лежать среди невручённых бумаг. Объяснение было вполне земным. Только одного Нина Павловна не понимала: почему письмо нашлось именно сейчас?

Она могла бы позвонить Валентине, разыскать её через знакомых, выяснить все обстоятельства. Ещё вчера так и сделала бы. Нина Павловна любила точность. Любая загадка казалась ей задачей, у которой непременно должен быть ответ.

Но сейчас на кухне остывал пирог, в сумке лежала красная скатерть, а Тамара ждала её с чаем. Она аккуратно убрала письмо в зелёную тетрадь и надела пальто.

У Тамары было тесно, тепло и шумно: по телевизору шёл старый концерт, на подоконнике дремал рыжий кот, а в прихожей пахло мандаринами. Тамара, увидев пирог, всплеснула руками.

— Лидин! Неужели ты рецепт нашла?

— Нашла, — сказала Нина Павловна. — И не только рецепт.

Они пили чай, вспоминали Лиду, спорили, кто из них лучше помнит её любимые песни. Тамара рассказала историю о

том, как однажды Лида отправилась на школьный утренник в разных сапогах и заметила это только на сцене. Нина Павловна прежде этой истории не слышала. Она смеялась так громко, что кот ушёл из комнаты с оскорблённым видом.

Когда за окном начали звонить колокола, Тамара достала с полки две старые фарфоровые чашки с тонкими золотыми ободками.

— Эти Лида мне подарила. Всё берегла для особого случая. А сегодня, кажется, подходящий.

Нина Павловна взяла чашку. На её дне была маленькая синяя трещинка, похожая на веточку. Она вдруг вспомнила, что Лида всегда говорила: «Не надо беречь хорошее до лучших времён. Хорошее от этого только пылится».

Домой она вернулась поздно, с пустой тарелкой и свёртком мандаринов от Тамары. На соседней площадке кто-то разучивал на пианино знакомую мелодию — неровно, с остановками, но упорно.

Нина Павловна остановилась послушать. Потом вошла в квартиру, не включая верхний свет, и поставила на подоконник маленькую электрическую свечу. Раньше она считала такие вещи безвкусицей. Теперь мягкий огонёк показался ей вполне уместным.

Перед сном она ещё раз открыла тетрадь. Между страницами нашлась крошечная фотография: две девочки в одинаковых вязаных шапках, старшая держит младшую за руку. На обороте стояла дата и подпись Лиды: «Нинка обещала,

что мы никогда не потеряемся».

— Не потерялись, — тихо сказала Нина Павловна.

Утром седьмого января она позвонила Кате и впервые за долгое время сама предложила приехать в гости на выходных. Потом записала номер Валентины, бывшей почтальонши, на листке возле телефона. Когда-нибудь она обязательно спросит о письме. Может быть, даже завтра.

На столе лежал рецепт пирога. Нина Павловна решила испечь второй — уже без подгоревшего края. Впрочем, Лида наверняка возразила бы: без этого края пирог получился бы слишком правильным.

МУЖЧИНА, КОТОРЫЙ НЕНАВИДЕЛ ЁЛКИ

В Праге начиналось Рождество, и Карел Новотный считал это обстоятельство досадным недоразумением.

В семь утра под окнами его мастерской кто-то установил колонку и включил праздничную песню. В восемь женщина из цветочного магазина напротив повесила на его дверную ручку венок. В девять курьер попытался вручить ему коробку с пряниками, предназначенную, судя по наклейке, «самому доброму мастеру на улице».

— Ошиблись адресом, — сказал Карел и закрыл дверь.

Пряники он всё-таки оставил. Не выбрасывать же еду.

Мастерская располагалась в узком переулке недалеко от Малой Страны. За стеклом витрины теснились настольные часы, часы с маятником и часы с кукушкой, у которой давно испортился характер: она появлялась не каждый час, а ко-

гда ей вздумается. Карел собирался её починить уже третий год. По утрам он первым делом заводил старые механизмы, и мастерская постепенно наполнялась тиканьем — ровным, торопливым, едва слышным. В этом разноголосом порядке ему было спокойнее, чем среди праздничной суеты.

На двери висела табличка «РЕМОНТ ЧАСОВ», а ниже, написанное от руки: «БАТАРЕЙКИ НЕ ПРОДАЮ». В декабре он добавлял третью: «ЁЛКИ НЕ ЧИНИМ».

Эта последняя надпись никого не останавливала. Люди приносили музыкальные шкатулки, механических ангелов, стеклянные шары с неработающими моторчиками и однажды даже деревянного оленя, который, по словам хозяйки, «перестал верить в праздник». Карел тогда посоветовал обратиться к ветеринару.

В полдень, когда он разбирал карманные часы с потемневшим серебряным корпусом, в дверь постучали. Не позвонили, хотя звонок работал. Именно постучали — три осторожных удара.

На пороге стояла девочка лет десяти в жёлтой шапке. Она прижимала к груди коробку из-под печенья, перевязанную зелёной лентой. Прежде чем войти, девочка старательно стряхнула снег с ботинок, хотя коврик у двери давно потерял способность кого-либо отмывать.

— Вы чините вещи, которые больше не работают?

— Часы, — уточнил Карел.

— Это почти часы. Там тоже пружина.

Она поставила коробку на прилавок и осторожно сняла крышку. На выцветшем бархате лежала маленькая карусель: три деревянные лошадки под жестяным навесом, облупленная позолота, тонкая заводная ручка. Одна лошадка лежала отдельно, завернутая в носовой платок.

Карел узнал изделие сразу. Такие делали в одной пражской мастерской ещё до его рождения. При исправном механизме карусель медленно вращалась и играла простенький вальс.

— Кто это сломал?

— Никто. Она сама. Наверное, от старости.

— Удобный ответ. Как тебя зовут?

— Анежка.

— Анежка, старость редко бывает единственной причиной поломки. Что произошло?

Девочка помялась.

— Я хотела посмотреть, почему она не играет. Открыла снизу крышку. А потом оттуда выпало что-то маленькое. Я искала на ковре, но у нас ковёр с узорами.

— Замечательный выбор для поисков маленьких деталей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.